

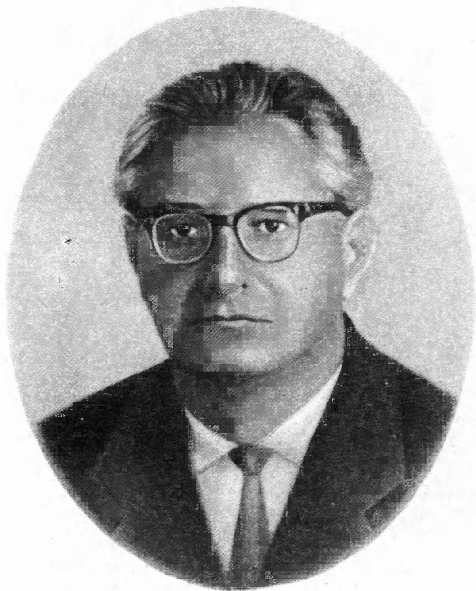
КНИГА ЗА КНИГОЙ

Николай Евдокимов

РАССКАЗ
О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

*Издательство
„Детская литература“*

Николай ЕВДОКИМОВ

**РАССКАЗ
О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ**

Издательство
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1968

ОБ АВТОРЕ

Николай Семёнович Евдокимов родился в 1922 году, учился в московской школе, занимался в литературной студии городского Дома пионеров. Впоследствии из этой студии вышли многие ныне известные писатели — прозаики и поэты.

В первые же дни Великой Отечественной войны Николай Семёнович ушёл на фронт, был ранен.

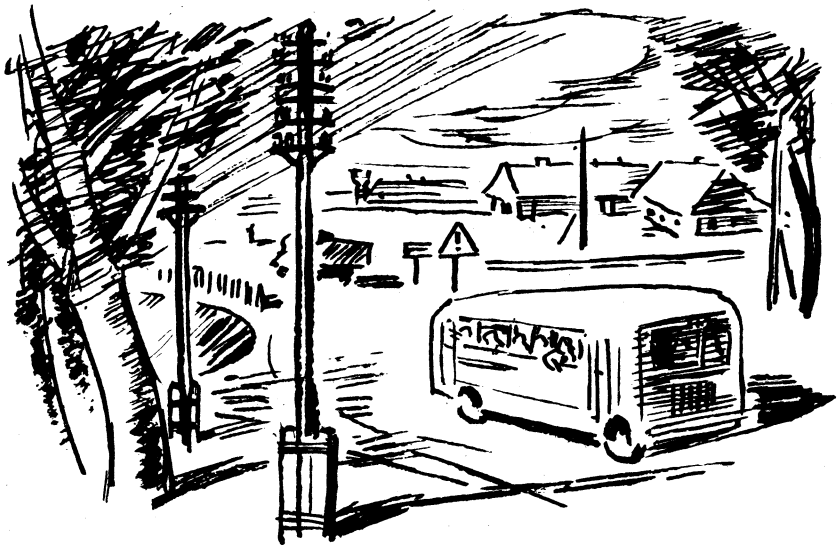
После демобилизации поступил в Литературный институт Союза писателей и окончил его в 1948 году.

Н. С. Евдокимов работал корреспондентом радио, центральных газет и журналов, много писал очерков и рассказов о жизни и делах наших людей. У него вышло много повестей и романов, в том числе: «Высокая должность», «И снова в путь», «Грешница», «У памяти свои законы», «Необходимый человек». Все эти книги поднимают важные проблемы нашей жизни.

«Рассказ о красном галстуке» — это рассказ о маленькой мужественной девочке-пионерке, которая совершила как бы незаметный, но очень важный для себя нравственный подвиг.

Напишите нам, ребята, понравился ли вам этот рассказ. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки Н. ДРАГУНОВА

...В тот год её приняли в пионеры, и она впервые в жизни поехала в пионерский лагерь. Мама устроила её в этот лагерь, куда приезжали пионеры из многих городов, даже из Москвы и Ленинграда. Этот лагерь был как знаменитый Артек, но только стоял не у моря, а на берегу широкой реки. Впервые в жизни Варя так далеко уехала из Новоморского, за триста или четыреста километров. Лето прошло быстро, и наступила пора возвращаться домой. Из лагеря ребят увозили на автобусах. Одних на вокзал, откуда они в поездах уедут в свои города, других, таких, как Варя, в порт, где их будет ждать «Агат».

Автобус стремительно мчался по шоссе, обгоняя легковые автомобили, другие автобусы, а когда ехал вдоль полотна железной дороги, то и поезд обогнал, легко обогнал, будто допотопную телегу.

Мария Ивановна испуганно кричала шофёру дяде Косте, что так нельзя ездить, но ребята в один голос орали: «Можно! Можно!» — и дядя Костя, смеясь, подмигивал Марии Ивановне и не сбавлял скорость. Мария Ивановна сердилась,

грозила дяде Косте кулаком. Он оборачивался к ней, выпячивал свои пухлые губы. Мария Ивановна краснела, хмурилась и садилась к дяде Косте спиной.

Ребята делали вид, что ничего не замечают, ничего не понимают, хотя все в лагере знали, что у Марии Ивановны и дяди Кости любовь.

Вообще взрослые странные люди, им кажется, что все дети дураки, что у них нет глаз, нет ушей и даже мозгов нет, а ребята всё видят и всё понимают. Вот Варя тоже всё видит и понимает. Она хорошо понимает Марию Ивановну и дядю Костю, а попробуй скажи им, что она тоже влюблена, они засмеют её: детям нельзя влюбляться, детям учиться надо, маму слушаться, вожатых слушаться, учителей слушаться, а не влюбляться. Хотя и мама, и вожатые, и учителя, когда были маленькие, тоже, наверное, влюблялись сто раз, а потом забыли или притворяются, что забыли.

Варе нравится Сашка. Сашка, конечно, ненормальный: он помешался на марках. Всё лето только и делал, что кланчил марки у ребят и расклеивал их в пухлой тетради. Из сострадания Варя начала собирать ему марки, а потом поняла, что Сашка очень умный мальчик, что с ним интересно разговаривать, что он понимает не только в марках, что вообще кругозор у него широкий.

Сейчас Сашка сидел через два сиденья впереди Вари — она видела его загорелую шею, чёрные волосы, он смотрел в окно.

Ехать в автобусе очень интересно. Особенно, если едешь быстро. Каждую секунду за окном что-нибудь новое — это как кино смотришь. Только была речка, был лес, а потом снова шоссе, тяжёлые опоры, несущие электропровода, вдали поле, по полю ползёт трактор. Только что был трактор, было поле, и вот уже колхозные фермы — длинные здания с серыми черепичными крышами. А потом снова поле.

И вдруг море: его ждали, а появилось оно неожиданно. Тех ребят, которым предстояло плыть на пароходе, высадили в порту, а остальных повезли на вокзал.

«Агат», с которым должна приехать из Новоморского мама, ещё не пришёл.

Сашка тоже сошёл в порту, он жил в этом городе, а домой почему-то не торопился. Он скинул штаны, рубаху и нырнул, и поплыл, хвалясь перед Варей, как он хорошо плавает.

Она сидела на берегу, раздевалась, смотрела на Сашку и думала о том, что вот она сейчас выкупается, встретит ма-

му, сядет на «Агат», а вечером уже увидит поселковых девченок и будет рассказывать им о лагере, и они будут ей завидовать.

Но Варя не знала, что этот день станет самым трудным, самым тяжёлым и самым страшным в её жизни. Всё изменилось через несколько минут.

Варя взяла свой мешок, развязала его, сунула туда руку, ища полотенце, вывалила содержимое мешка на песок. И вдруг увидела, что в мешке нет её пионерского галстука.

Это был не простой галстук. Это был особенный галстук. Галстук, которым Варя гордилась и который берегла, потому что такой галстук нельзя было не беречь.

В тот день, когда Варю приняли в пионеры, мама подарила ей этот галстук. У него была своя история.

Варин дедушка Алексей Михайлович Колесников был знаменит по всему Черноморскому побережью. Сухонький, низкорослый, с начавшей лысеть ещё в молодости, но так и не полысевшей головой, с тихим голосом, он не останавливал на себе взгляд и по первому разу производил впечатление робкого, даже болезненного человека. Однако на побережье не было рыбака, который отважился бы помериться силой и отвагой с Алёхой Колесниковым.

Этот малоприметный человек ещё в юности прославился тем, что повторил один за другим знаменитые подвиги знаменитых черноморских богатырей: он гнул руками подковы, останавливал бешено несущихся коней, перетаскивал на спине баркасы, кулаком вбивал в стену гвозди. Впрочем, Алёха был человеком скромным, силой своей не злоупотреблял, даже, скорее, стеснялся её и не любил вспоминать, как развивался в молодости. Но людская молва почтительно сохранила рассказы об Алёхиных подвигах, приукрасив их так, что даже сам герой не мог отличить правду от вымысла...

Последний подвиг Алёха совершил в тот год, когда родилась Варина мама. Вместе со своим товарищем он попал в зимний шторм, баркасы перевернуло, унесло в открытое море; всю ночь плыл Алёха в ледяной воде к берегу, таща на себе закоченевший труп друга. Только сутки пролежал он в постели — и то для порядка, а через сутки снова ушёл в море за рыбой. Но именно с тех пор начал Алёха покашливать и испытывать стеснение в груди.

Впрочем, об этом уже не рассказывается в легендах. А легенды эти Варя сама слышала: ещё и сейчас люди любят вспоминать Алёху-богатыря.

В тот год, когда родилась мама Вари, а Алёха попал в зимний шторм, началась первая мировая война, и весной его забрали в армию. Домой он вернулся уже после гражданской с орденом Боевого Красного Знамени и стал наводить на побережье новые порядки.

В те далёкие годы он организовал первую рыбацкую артель. Нелегко жилось этой артели — у неё было много недоброжелателей и врагов. И, конечно, совсем не случайно Алёха два раза горел, три раза с мирной скалы внезапно летели на него тяжёлые камни, а по ночам рвались в ставниках сети артели.

А однажды, вернувшись с моря, он нашёл на пороге дома синих, избитых до полусмерти жену и семилетнюю дочь. По дороге в больницу, так и не придя в сознание, жена умерла.

Алёха похоронил её не на кладбище, а далеко от посёлка, на вершине высокой скалы. Отсюда была видна вся беспредельная морская ширь, здесь на скале отдыхали чайки и немолчно бились внизу белые волны, а по вечерам, когда посёлок лежал уже в сумерках, здесь на скале ещё жил, ещё горел ярким огнём последний луч солнца.

Но смерть жены не сломила Алёху. Он стал ещё ожесточённее, ещё решительнее. У него было много дел, потому что артель распадалась, потому что запуганные рыбаки уже не находили в себе сил бороться с невидимым хитрым врагом. Они сторожили сети, баркасы, но всё равно кто-то рвал сети, кто-то выламывал днища баркасов.

Иногда Алёха ездил в город, в милицию. Но те, кто убил его жену Оксану, кто вредил артели, были хитры и неуловимы — действовали они, видимо, чужими руками.

Однажды вечером, побывав в милиции, потолкавшись на городском базаре, Алёха зашёл в райком комсомола и вышел оттуда, держа в руке красный пионерский галстук — подарок дочке. Он искал попутную машину, но не нашёл и отправился домой пешком.

Утром его нашли на дороге мёртвого, с разможнённой головой. Орден, который он всегда носил на груди, был оторван с пиджака и исчез. А в руке он держал красный галстук. Галстук был ещё мокр от его крови...

Вот какой был этот галстук. А Варя потеряла его. Этот галстук носила мама, она берегла его, как самое дорогое, она подарила его Вале, надеясь, что она тоже его сбережёт, а Варя потеряла этот галстук!

Она сидела на песке возле мешка, мучительно вспоминала, где могла его потерять. Может, оставила в лагере, когда собирала вещи? Она хорошо помнила, что галстук лежал на подушке, когда она рассовывала свои пожитки в мешок. А потом её позвали к автобусу, и она на ходу совала в мешок банку с лягушкой. Неужели галстук остался в спальне на подушке?

Сашка вылез из моря, отряхнулся, как щенок, сморщил облупленный нос и спросил:

— Купаться будешь?

— Нет, — сказала Варя. — У меня беда: галстук потеряла.

— Вот чепуховина.

— Совсем не чепуховина. Что я маме скажу?

— Ерунда! Купи новый, и всё тут... В универмаге галстуки продают, хоть тыщу штук покупай. Нашла чего переживать. Айда, отведу в универмаг, недалеко.

Сашка из всего умел с лёгкостью находить самый простой выход. Сашка мгновенно принимал решения, и всегда в его голосе звучала убеждённость, которой трудно было сопротивляться. Сашка никогда ничего подолгу не переживал, ничего особенно не жалел: если бы Варя сказала, что она не галстук потеряла, а его, Сашкины, марки, Сашка и тогда, наверное, только причмокнул бы с сожалением языком и сказал бы:

«Ну и ладно, поканючу — отец целый альбом купит».

А Варя на его месте очень огорчилась бы. Она берегла вещи, потому что знала, как трудно доставалась каждая из них маме: ведь зарплата у неё не очень большая.

— Ладно, пошли, — угрюмо согласилась Варя.

К универмагу они подъехали на трамвае. Ехали они зайцем. Кондукторша заметила их, но ничего не сказала. Они ехали, а она молча смотрела на них. И они смотрели на неё невинными, непонимающими глазами. И оттого, что кондукторша молчит, оттого, что она, Варя, строит равнодушную рожу и Сашка строит равнодушную рожу, Варя было противно и стыдно. Вот она так же будет глядеть и на маму — честными глазами, — когда купит новый галстук. У неё не хватит сил сказать правду, она станет врать, и ей будет так же противно и стыдно, как сейчас. Ещё противнее. Впрочем, Варя не очень-то верила Сашке, что пионерский галстук можно так просто купить.

Наверное, справку потребуют из школы или ещё что-нибудь.

Варя всего три месяца назад стала пионеркой. Всего три месяца назад. И думала, что в магазине можно купить кастрюлю, ботинки, штаны, но нельзя купить пионерский галстук, потому что галстук, как знамя, не продаётся и не покупается.

Но Сашка был прав — Сашка знал всё на свете и был взрослее Вари. В универмаге продавались и знамёна, и галстуки, и барабаны, и горны. Всё, что хочешь. Знамя, которое с такой торжественностью выносили в лагере на пионерский костёр, знамя, у которого не раз с таким трепетом стояла в карауле Варя, которое так берегли, так стерегли, это знамя было, наверное, тоже куплено здесь, в универмаге.

А вот и галстуки лежат, и не надо никаких справок, покупай кто хочет, хоть сто штук бери. Варя была мала, она только три месяца была пионеркой, она ещё не знала, что галстук можно носить не на шее, а в кармане, что его можно вообще не носить, как это делают некоторые ребята.

Галстуки лежали на прилавке.

Варя разозлилась. Она с ненавистью смотрела на продавщицу, которая торговала галстуками. Наколет чек — завернёт галстук, наколет чек — завернёт: «Пожалуйста, заходите ещё».

Варя была мала, она три месяца только была пионеркой, поэтому всё, что происходило сейчас перед её глазами, казалось ей невероятным. И хотя она видела, что можно купить то, что не должно продаваться, она ничего не купила.

— Дура, — сказал Сашка, когда они вышли из универмага. — Ну хочешь, я тебе свой отдам?

Он был добрый, отзывчивый, Сашка. Но Варя покачала головой:

— Не надо. Я поеду, свой отыщу.

Она узнала, что «Агат» придёт через два часа, а в обратный путь отправится ещё через час, высчитала, что за три часа вполне сумеет съездить в лагерь на поезде.

Денег на билет у Вари не было — ей предстояло ехать зайцем, да и вообще она ещё никогда не ездила в поезде, и поэтому ей было не то чтобы страшно, но беспокойно как-то и тоскливо.

Перронные часы показывали пять, когда подошёл пригородный поезд.

Варя забралась в последний вагон, решив, что если подойдёт контролёр, то начнёт он с первого вагона и пока доберётся до последнего, она успеет сойти.

Вагон скрипел, продираясь сквозь дождь, оставляя за собой мокрую, унылую землю. Было скучно, холодно, тоскливо. А поезд всё ехал и ехал.

Он останавливался иногда на пустых станциях, подолгу стоял, потом нехотя дёргался и снова катился мимо безлюдных деревень, мимо серых вздувшихся речек, гремел по мостам.

И уже сумеречно становилось у горизонта.

Он плёлся как черепаха, этот поезд. Скорей бы он ехал, поезд, скорей бы, ведь так можно дождаться и контролёра.

И Варя дождалась контролёра.

Их вошло двое — мужчина и женщина.

Женщина прошла через весь вагон к другому выходу, закрыв все пути к отступлению, хотя отступить с последнего вагона было некуда — только прыгать на полном ходу. Пассажиров было мало в вагоне, человек пять-шесть, не

больше; мужчина проверил у них билеты и шёл теперь к Варю, шёл медленно, ещё медленнее, чем ехал этот дурацкий поезд.

— Ну-с, барышня, — сказал мужчина, — билетик.

— Нет у меня билета, — не глядя на него, зло сказала Варя.

— Нет? Печально. — Мужчина сел, поглядел в окно, потом стал разглядывать Варю. — Придётся сойти тебе, милая. Мы сойдём, и ты сойдёшь.

Подошла женщина-контролёр.

— Куда едешь-то? — спросила она.

— Надо мне, — ответила Варя.

Они расспрашивали её, зачем едет, куда едет, где живёт, и хотя Варя угрюмо молчала, они всё приставали к ней с вопросами. Они надоели ей, как осенние мухи.

— Ну, молчи, молчи, — сказал наконец мужчина. — Посидишь в милиции — одумаешься.

На станции они отвели Варю в милицию. Когда выходили из вагона, она хотела было удрать, но мужчина поймал её за руку и привёл в милицию.

В большой комнате стояла длинная скамья. На эту скамью посадили Варю. Из-за деревянного барьера, перегородившего комнату, встал милиционер, сердито спросил:

— Бежать хотела? У нас не убежит. Разыщем родителей, приедут за нею. Ну, говори, где живёшь, куда едешь?

Но Варя молчала.

Контролёры ушли. Варя осталась наедине с милиционером.

Тот сидел за столом, что-то писал, о чём-то говорил по телефону. Иногда вспоминал о Варе и спрашивал:

— Ну, будешь говорить?

Но Варя молчала. И снова милиционер писал, снова говорил по телефону.

Люди входили и уходили, а Варя сидела. Она решила молчать, ни слова не говорить, хоть месяц тут просидит, хоть умрёт тут от голода и холода. Конечно, она могла бы сказать свой адрес, и милиционер позвонил бы в порт, и мама приехала бы за ней, но Варя не могла, не хотела показаться ей на глаза без галстука.

— Ну, будешь говорить? — спрашивал милиционер.

До двери три шага, не больше. Встать, сделать три шага, толкнуть дверь — и ты на свободе. Дыши воздухом, бегай босиком по лужам, лови ртом тёплый дождь, купайся в море, делай что хочешь — ты на свободе. Но до свободы три шага. Три шага, которые длиннее, чем двести вёрст. А к Вариним ногам словно привязаны камни, словно скалы привязаны — не скалы, а все кавказские горы, она не может поднять их, потому что, если она побежит, милиционер, наверное, будет стрелять.

Ну и пусть стреляет. Пусть. Лучше пусть застрелит, чем сидеть тут, дрожать от страха. И Варя напрягла все свои силы, подняла кавказские горы, которые были привязаны к её ногам, и бросилась к двери.

— Эй, стой! — крикнул милиционер и побежал за нею.

Варя выбежала во двор, помчалась к воротам, но поскользнулась в луже и упала. Вскочила и увидела милиционера, который шёл к ней. Варя зажмурилась и, плача, сказала:

— Стреляй, ну, стреляй...

Милиционер засмеялся:

— Чудачка! —

Он схватил Варю под мышки, поднял над землёй. — Кто ж в тебя стрелять будет? Ну, успокойся, глупенькая.

— Дяденька, отпустите меня, дяденька! — Варя заплакала. Захлёбываясь слезами, она рассказала милиционеру, куда и зачем она едет и почему ей нельзя возвращаться с полдороги.

Они снова вернулись в милицию. Но теперь уже Варя ничего не боялась: она жевала булку с колбасой, которую дал ей милиционер, рассказывала ему о пионерском лагере и сама слушала его рассказы о том, как ловят в милиции всяких воров и бандитов. А потом пришёл поезд, и милиционер проводил Варю до вагона, дал ей денег на обратный билет и помахал на прощание рукой.

Уже было темно, когда Варя наконец доехала до своей станции. А от станции до пионерского лагеря три километра, не меньше. Варя не знала, в какую сторону ей идти, но в какую бы сторону ни идти — всюду грязь, лужи, всюду дождь.

Сначала она шла по дороге, потом свернула на тропинку к лесу: лес чернел вдаль, в нём уже лежала ночь, от него веяло холодом. Ноги облипли коричневой вязкой грязью, ноги будто обуты были в сапоги из этой грязи. Дождь вымочил платье, дождь стекал с мокрых волос на лицо. В лицо дул ветер: он гудел, он выл в ушах, он нёс из леса стужу. Вот гром ударил, молния вспыхнула и разорвалась над самой головой. Варя присела от страха на корточки, закрыла голову

руками. А встать уже не могла. Не то чтобы не могла, ей просто не хотелось вставать, наоборот, ей захотелось не встать, а сесть на мокрую траву и сидеть так, сидеть долго.

Но Варя не села, она поднялась и побрела дальше. Лес был далеко, он, казалось, не приближался, а уходил в темноту, становился чернее, меньше. Он был страшен, этот лес, убегающий от Вари, но Вале хотелось скорее добраться до него, потому что за ним был лагерь, и в то же время она боялась этого леса и совсем не хотела встречаться с ним. Она знала, что уже поздно, что давно мама приплыла на «Агате» и беспокоится, но она не думала ни о маме, ни о том, что она беспокоится, ни о чём Варя не думала: она брела среди бесконечного вечернего поля, мокрая, как трава, беспомощная, как птица на ветру, одинокая, как первая звезда в небе.

И вдруг Варя увидела волка. Волк трусил навстречу по тропинке, опустив морду, зажав между ног тощий мокрый хвост. И сам волк был тощий, мокрый, голодный.

Волк увидел Варю и остановился. Варя прижалась к стволу сосны, не сводя с него глаз. Вокруг был лес, полный деревьев, кустов: из каждого куста, из каждого дерева можно было бы наделать миллион палок, миллион дубинок, а с дубинкой волк не так уж страшен. Дубинкой можно отбиться от самого голодного волка. Вокруг был лес, полный деревьев и кустов, из которых получились бы хорошие дубинки, а Варя стояла перед волком беззащитная.

Варя знала, что волки боятся огня. Зажечь спичку, и волк убежит. В Новоморском полно спичек. Из спичек хорошо строить домики. Дунешь — и домик развалится. Спички можно бросать в весенние ручьи — спичка плывёт, как корабль, а ты бежишь за ней, пока не уплывёт она в море или не провалится в трещину под землю. Спичками хорошо зажигать костры. Спичками можно спугнуть волка. Но спичек у Вари не было.

А волк стоял, смотрел на Варю жадными глазами. Наверное, примеривался, как бы поудобнее прыгнуть, с чего начать свой ужин — ногу сначала съесть или руку или прежде всего попробовать, вкусный ли у Вари нос. Он может начать с чего угодно — Варя всё равно с ним не справится.

Варя хотела закричать, но решила, что в лесу никто её не услышит, никто ей не поможет, и не закричала. И бежать тоже бесполезно — волк всё равно догонит её.

Волк стоял, подняв морду, смотрел на Варю. И в то мгно-

вание, когда Варя поняла, что ей не спастись, что волк всё равно сожрёт её, Варя перестала ощущать страх. Она разозлилась, она решила, что это противно — стоять и ждать, пока волк прыгнет. Варя пошла навстречу волку. И волк пошёл к ней.

Варя ждала, что он прыгнет, но он не прыгнул. Он ткнул в живот Варе носом, понюхал её ноги, пошевелил тощим хвостом. Это была собака, которая сама, наверное, испугалась, встретив Варю на лесной тропе.

— Дура, трусиха, — обозвала себя Варя, разозлившись, что приняла со страху обыкновенную дворняжку за волка.

Собака обнюхала Варю и побежала дальше. У неё тоже, наверное, были важные, неотложные дела, если она таскалась по лесу в такую непогоду.

Ночь опустилась с вершин деревьев вниз, на землю. И ничего не стало видно, ничего...

А Варя брела и брела куда-то. Она давно сбилась с тропинки и теперь наугад продиралась через кусты. Главное, идти всё прямо и прямо, туда, где кончается лес, а там, за лесом, деревня Оболочь, а возле неё лагерь. Главное, идти прямо, и она думала, что идёт прямо, а на самом деле кружила на одном месте. Она думала, что лес вот-вот кончится и станут видны огни деревни, но лес не кончался, он становился гуще, холоднее. Она поняла, что заблудилась, и упала на землю. Она лежала, коченея от холода и страха, а мокрый злой лес шумел вокруг неё.

И вдруг она услышала далёкий лай собаки. Нет, это не та собака лаяла, которую она со страху приняла за волка. Не та, потому что она не одна лаяла, много собак лаяло. Замолчат, потом снова залают — то одна, то другая, то третья. И ещё она услышала далёкий шум машины. Деревня! Она не так далеко, если слышно, как тарахтит машина, как лают собаки.

И Варя снова побрела. Она брела на лай собаки, на шум машины. И этот последний её переход был бесконечен, был тяжёл, но Варя выбралась всё же из леса и увидела огни деревни.

В лагере было тихо, темно. Дача, в которой жил Варин отряд, была заперта, окна закрыты ставнями. Дача стояла неприступная, как крепость, а брать эту крепость у Вари уже не было сил. Она постучала кулаками в дверь, пнула её ногой, толкнула плечом, но дверь не поддавалась, она будто из железа была сделана. И Варя поняла, что весь свой трудный,

страшный путь она проделала зря, и заревела от отчаяния, обиды и усталости.

Она не помнит, сколько просидела возле этой двери — может быть, час, два, а может, и десять минут. Она могла сидеть тут хоть сто лет, теперь ей всё равно, — сидеть или идти. Всё ей было безразлично. Она даже не испытала радости, когда услышала чьи-то шаги, когда увидела свет от ручного фонарика. Ну и идёт кто-то, и пусть себе идёт, пусть светит фонариком, если хочется. Варю до него нет никакого дела, она спать хочет, ей холодно, а во сне можно согреться.

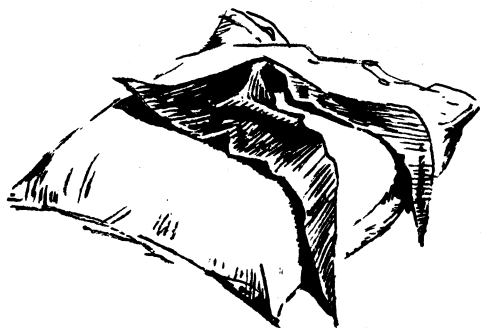
Свет фонарика осветил Варю.

— Ты что тут делаешь? — спросил кто-то, и Варя узнала дядю Костю...

Дядя Костя отпер дверь. В спальне на подушке Варя увидела свой пионерский галстук, единственный галстук, который не продаётся и не покупается.

В город, к маме, которая ждала её в порту, Варя ехала с дядей Костей на автобусе. Дядя Костя увозил матрацы, подушки и всякие другие вещи, которые должны лежать на складе до следующего лета.

Дядя Костя укутал Варю в одеяло, как годовалого младенца. Варя лежала на мягких матрацах, качалась, как в гамаке, смотрела в тёмное небо и думала, что к утру ветер разгонит облака и снова будет светить солнце, а если будет светить солнце, то можно завтра пойти на море ловить крабов. Она не заметила, как уснула, и не слышала, как дядя Костя привёз её в порт, как вместе с мамой они вытащили её из автобуса. Она спала. И улыбалась во сне...

Цена 3 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1968 году
выходят следующие книги:

Драбкина Е. ИСТОРИЯ КАРАНДАША.

Герои рассказов — дети, судьбы которых связаны с революционными событиями

Емельянов Б. БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Рассказы о детях революции и о ребятах — наших современниках

Погодин Р. МУРАВЬИНОЕ МАСЛО.

В книгу входят приключенческая повесть «Муравьиное масло» и рассказы.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребкооперации. Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

Для младшего школьного возраста

Евдокимов Николай Семёнович

РАССКАЗ О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Ответственный редактор *Л. Р. Баруздина*. Художественный редактор *А. В. Пачина*. Технический редактор *Л. П. Костинова*. Корректор *К. П. Тягельская*. Сдано в набор 1/II 1968 г. Подписано к печати 5/VII 1968 г. Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 1. (Уч.-изд. л. 0.85). Тираж 300 000 экз. ТП 1968 № 186. Бум. № 2.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 309.